

*Изящная
словесность*

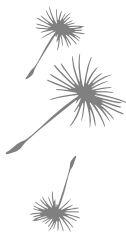
*Книги Анны Берсеновой –
истории сильных чувств:*

СЕРИАЛ «ГРИНЕВЫ. КАПИТАНСКИЕ ДЕТИ»	«ТРИ ДОЧЕРИ»
Последняя Ева	Ответный
Возраст третьей любви	темперамент
Неравный брак	Игры сердца
Ловец мелкого жемчуга	Французская жена
Первый, случайный, единственный	Странная Лиза
	Портрет второй жены
	Стильная жизнь
СЕРИАЛ «СЛАБОСТИ СИЛЬНОЙ ЖЕНЩИНЫ»	Двое в Барселоне
Слабости сильной женщины	Гадание при свечах
Ревнивая печаль	Все страсти мегаполиса
	Женщина
	из шелкового мира
	Рената Флори
СЕРИАЛ «ЕРМОЛОВЫ»	Глашенька
Яблоки из чужого рая	Вангелия
Антистерва	Женщины да Винчи
Мурка, Маруся Климова	Вокзал Виктория
	Героиня второго плана
«ПОДРУГИ С МАЛОЙ БРОННОЙ»	Лучшие годы Риты
Уроки зависти	Созвездие Стрельца
Опыт нелюбви	Австрийские фрукты
Этюды Черни	
«ЛЮБОВНЫЙ ФАРФОР»	
Звезда по имени Эстер	
Красавица некстати	
Азарт среднего возраста	

анна берсенева

ОПЫТ НЕЛЮБВИ

роман

Москва
2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б51

Художественное оформление серии *П. Петрова*

В оформлении обложки использованы иллюстрации:
molodcovart, Sergey89rus, magicinfo, CloudyStock, lecosta,
Paola Crash / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Берсенева, Анна.

Б51   Опыт нелюбви : роман / Анна Берсенева. — Москва : Эксмо, 2018. — 352 с.

ISBN 978-5-04-096957-9

Таких, как она, люди не любят. И если бы только люди вообще! Но таких женщин, как Кира Тенета, не любят мужчины. У нее независимый ум, она слишком прямолинейна. А когда при подобных чертах характера еще и внешность подкачала... Стоит ли удивляться, что к тридцати годам у Киры нет ни мужа, ни возлюбленного? Она даже утешительную теорию для себя уже придумала: с ее внешностью не жаль будет стареть. Зато ей присуще одно важное качество: Кира не боится жизни. Она без колебаний берется за работу, к которой совсем не готова, — и выигрывает. И когда на ее горизонте появляется мужчина, который отличается от нее буквально во всем, Кира соединяет с ним свою жизнь без сомнений. Но не ошиблась ли она в своей самоуверенности?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-096957-9

© Сотникова Т., 2018
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2018

ЧАСТЬ I

Глава 1

*В*от он лежит у Киры на плече и читает ее книгу.

«Он уверен, что меня это ничуть не угнетает. То есть он вообще об этом не думает. Для него это такая ерунда, о которой и подумать даже невозможно. Он на генетическом уровне уверен, что это совершенно нормально: лежать на плече у незнакомой женщины и читать книгу, которую читает она. И дышать при этом чесноком ей в ухо».

Кира попыталась отстраниться, но это привело лишь к тому, что чесночный запах ударил ей уже не в ухо, а прямо в нос. Она захлопнула книгу, чуть ее при этом не выронив, и задвигала плечами, пытаясь вывинтиться из толпы поближе к выходу из вагона. Там, впрочем, толпа была еще плотнее. Час пик, ничего не поделаешь.

«Час утренних пик», — подумала Кира, почувствовав, как в бок ей, вот именно что пикой, впивается чей-то острый локоть.

Словесная игра как была, так и осталась ее привычкой, хотя никакой необходимости в такой игре у нее давно уже не было. И в таких словах, которые давали бы возможность игры, необходимости не было тоже: и в работе, и в жизни Кира вполне могла обходиться самым незамысловатым набором слов. Так уж сложилась и работа ее, и жизнь.

Книжка все-таки выпала у нее из рук, да еще в неподходящем месте — прямо на выходе из вагона. Проклиная собственную неуклюжесть и обычное свое невезение, Кира присела на корточки и принялась вылавливать книжку из-под чужих ног, из разливов грязи на мраморном полу. Досада ее усиливалась еще и оттого, что книжка была — Диккенс, «Оливер Твист», и в глазах любого человека это должно было значить, что она дура не только неуклюжая, но еще и сентиментальная, и хоть это неправда, но кому будешь объяснять.

Но вообще-то из-за содержания книжки переживать, наверное, не стоило. Кому дело, Диккенса ты читаешь или журнал «Лиза»; тут и до тебя самой-то никому дела нет.

Пешком на работу надо ходить, вот что. Тогда и чесноком в лицо дышать не будут, и грязную книжку в сумку запихивать не придется.

Но при мысли, что пришлось бы тащиться пешком от Малой Бронной до Китай-города — ветер в лицо бьет, мокрый снег лепит сверху, а в жиже из этого снега вязнут ноги, — Кира решила, что проще обтереть книжку рекламной листовкой, которую на выходе из метро она взяла у замерзшего негра в мокрой ушанке. Листовка приглашала на курсы английского. Это было Кире ни к чему — английский она еще в школе выучила в совершенстве.

С такими вот пустыми и за пустяки цепляющимися мыслями шла она от метро к Ильинке, к Старопанскому переулку. Пока дошла, снег облепил ее так, что она стала похожа на снежную бабу. У самого входа в дом Аршинова Кира вдобавок вступила в лужу, и нога у нее промокла до колена. Получается, можно было и от самого дома пешком идти — ну, была бы снежная баба чуть потолще, и не одна нога была бы мокрая, а обе.

Кира всегда и вслух, и про себя называла место своей работы только так — дом Аршинова. Если уж сама по себе работа у нее убогая и унылая, то хотя бы проходят ее трудовые будни в красивом здании, которое молодой Шехтель сто лет назад построил для купеческой конторы. И хоть интерьеры в этом здании за советское время сделались такие, что тоска берет от одного их вида, да и за десять с лишком послесоветских лет ничего здесь не изменилось, но все-таки, входя в свою комнату, берешься за ту же дверную ручку, за которую, может, и Савва Морозов когда-то брался. Говорят, здесь не то он сам работал, не то его мамаша; подробностей Кира не знала, а уточнить было не у кого.

Она доехала на лифте до последнего этажа и по железной узкой лестнице поднялась еще выше, в комнату под крышей, где и проходили ее труды и дни.

Чайник уже вскипел, и чай был заварен. В отличие от Кириных, все действия Матильды были правильными и производились в правильную минуту. И, конечно, первое, что та сделала, придя на работу в гадостную, с неожиданным снегом октябрьскую погоду, это заварила свежий чай. К чаю имелись также и булочки — когда Кира вошла, Матильда разогревала их в микроволновке, и по комнате разносился запах свежей сдобы.

— Еще есть варенье, — сообщила Матильда. — Абрикосовое.

Она стояла к двери спиной и сказала про варенье не оборачиваясь и не здороваясь. Это происходило не от невоспитанности — с воспитанием у Матильды было все в порядке, — а от ее особенного, ни у кого больше Кирой не виданного способа жить.

Матильда жила одним сплошным, не имеющим ни начала, ни конца потоком; казалось, даже сон его

не прерывает. Кира считала себя цельной личностью, но ее цельность выражалась самым обычным образом — ну, например, она никогда не меняла своего мнения по принципиальным вопросам. Матильда же была в своей цельности органична как кошка, и даже не просто как кошка, а как кошка экзотическая, и проявления ее цельности тоже были экзотическими. Потому она и начинала разговор в понедельник утром так, словно никаких выходящих не было и общение ее с коллегами не прерывалось ни на минуту.

— Привет, — поздоровалась Кира. Что поделаешь, она-то человек обыкновенный, и обычное поведение для нее так же естественно, как для Матильды необычное. — Если бы не ты, наша жизнь была бы неуютна и убога. На работе, во всяком случае.

«И не на работе тоже», — мельком подумала она.

— Работа не волк. — Матильда повернула Кирины слова и мысли в то русло, которое считала правильным. — Раздевайся, чаю попьем.

Когда Кира в десятом классе ездила по обмену в Америку, то из множества американских привычек больше всего понравились ей те, что были связаны с многообразными устоями жизни. Куки-джен, то есть, попросту говоря, что-то среднее между большой стеклянной банкой и вазой для домашнего печенья — без этого в Америке невозможно представить себе семью. Или большая толстостенная чашка, из которой пьют чай на работе, — без нее там в новый коллектив прийти неприлично.

Хоть Москва не Америка, но Кира пришла в издательство «Транспорт» с чашкой, которую ей отдали в журнале «Struktur» после чьей-то рекламной кампании, и чай теперь пила всегда из нее, а не из отвратительно-

го советского сервиза в розовеньких цветочках, который использовался остальными обитателями комнаты.

Кира повесила в шкаф пальто, а из другой половинки шкафа достала свою чашку и налила в нее чай — по своему обыкновению, одну заварку, не разбавленную кипятком.

— Чай какой-то странный, — заметила она. — Слишком хороший.

— Не слишком, — объяснила Матильда. — Просто он английский. Непосредственно из города Лондона.

— Ого! А к нам как попал?

— Обыкновенно, — пожала плечами Матильда. — Парикмахерша моя привезла и мне подарила.

Даже это у нее не как у других! Другие дарят привезенный из Лондона чай парикмахершам и прочим нужным людям, а Матильде эти нужные люди сами делают подарки. Конечно, клиент — человек не лишний, но, судя по эффектной Матильдиной прическе — рваная челка, стильная непринужденность общей линии, — клиентов у ее парикмахерши должно быть немало, и если есть среди них редакторы, то уж точно из каких-нибудь более завидных изданий, чем замшелое издательство «Транспорт», непонятным образом уцелевшее за десять лет, прошедших после советской власти. Конечно, Матильда в этом тухлом отстойнике случайная птица, и, не будь она матерью-одиночкой с соответствующими трудовыми ограничениями, давно уже нашла бы более занимательную работу. Но пока она есть то, что есть, и стильным парикмахершам нет никаких причин добиваться ее расположения. Однако все дело в том, что есть женщины, которые даже в нищете держатся королевами, и благосклонности их добиваются все, хоть мужчины, хоть вот

парикмахерши, и Матильда как раз из таких женщин. А Кира — как раз не из таких.

Это, впрочем, Кира с самого детства воспринимала как данность, и это ничуть ее не угнетало. Глупо же в самом деле переживать, например, из-за того, что ты не родилась балериной, как Уланова или Плисецкая. И не менее глупо сетовать, что тебе не достается главенствующее положение в любой точке жизни, тем более если ты вообще-то и не находишь никакого удовольствия в том, чтобы над кем-то главенствовать, а находишь его главным образом в чтении книг и размышлениях о прочитанном.

Пока Кира с Матильдой пили чай, подтянулись на рабочие места и другие обитатели комнаты. Точнее, обитательницы — отдел, в котором работала Кира, сплошь состоял из женщин. Возраст их колебался от сорока до пятидесяти, Кира с Матильдой были самыми молодыми.

Сколько ни взбадривайся чаем, откладывая начало рабочего дня, а никуда от него не денешься. Кира села за свой стол в углу и включила компьютер. Статья о навигации на реках Сибири простиралась перед ней таким же бескрайним пространством, как сама эта Сибирь, которой она никогда не видела. Но трудность начала любой работы вообще и трудность первых слов статьи в частности — это ведь такая банальность, что о ней не только говорить, но даже думать неприлично. И неприлично за тридцать прожитых лет не научиться эту трудность преодолевать.

Да и некогда Кире было думать об отвлеченных вещах: после обеда ей надо было уйти с работы, потому что она пообещала быть на защите докторской, на которую месяц назад написала отзыв. Конечно, она не могла быть официальным оппонентом докторской, потому что сама

только кандидатскую защитила, и ни в отзыве ее, ни тем более в присутствии на защите не было, на ее взгляд, ни малейшей необходимости. Но соискательница была когда-то бабушкиной аспиранткой, а теперь работала в Ижевске и страшно волновалась из-за своей московской защиты, потому и насобираала множество каких-то бессмысленных отзывов и всех, кто их написал, просила обязательно прийти ее поддержать.

В общем, с работы придется отпрашиваться, ничего не поделаешь, хотя и жалко тратить возможность отпра-ситься на совершенно тебе не нужное дело.

А раз так, со статьей следует поторопиться. К счастью, Кира давно уже научилась абстрагироваться от всего, что происходило вокруг нее, — от шума, телефонных звонков, обсуждений, разговоров, болтовни, сплетен, выяснения отношений; от всего, из чего состоял рабочий день издательства «Транспорт». Это семь лет назад, когда она еще писала кандидатскую, была уверена, что для работы необходимы полная тишина и сосредоточенность.

Наивные были времена! Закончились они очень просто: в первую же неделю в журнале «Struktur» Кира поняла, что с такими представлениями о себе и своих возможностях много она не наработает, а уже во вторую неделю научилась писать статьи, находясь в положении аквариумной рыбки — в насквозь просматриваемой редакционной комнате, в постоянном гуле.

По сравнению с огромным залом «Struktur» с его многочисленными перегородками дом Аршинова по тишине и удобству приближался, можно считать, к читальному залу Ленинки или даже Библиотеки Конгресса.

— Надолго уходишь? — спросила Матильда, когда Кира наконец закончила статью и, поглядывая на часы, бросилась к одежному шкафу.

— Сегодня не вернусь уже, — ответила она. — А что?
— А я тебя хотела вечером с собой забрать, — объяснила Матильда. — Домой к себе. У меня день рождения сегодня.

— Да ты что? — ахнула Кира. — А почему заранее не сказала?

— Кирка, невозможно все делать заранее, — усмехнулась Матильда. — Это скучно и бессмысленно. Готовить я все равно не собиралась — времени жалко. А торт и вино по дороге куплю.

— Я и сама до тебя могу добраться, — сказала Кира. — Не обязательно меня с собой забирать. Отсижу на защите и приду.

— Приходи, — кивнула Матильда. — Особого веселья не обещаю, но надо же как-то жизнь коротать.

Глава 2

— Прежде чем приступить к нашему исследованию, мы считали необходимым выяснить: чем является процесс чтения — смысловосозданием или смыслопорождением?

Будущая докторесса нервно шмыгнула острым носиком и поправила очки.

«Классика какая-то! — подумала Кира. — Носик острый, очки... Как ее зовут, забыла... А несет-то что!»

Кира обвела взглядом аудиторию. Вид собравшихся напоминал советский фильм не меньше, чем очки, носик и бред про смыслопорождение. А может, не советский фильм все это напоминало, а сюрреалистический. Хотя это, пожалуй, одно и то же.

Она потихоньку вытащила из сумки Диккенса и положила себе на колени. Демонстративно читать у всех

на виду было неловко. Но и слушать эти речи было невыносимо. Даже не верилось, что в подобных речах прошла практически вся ее жизнь. Только семь последних лет она всего этого не слышит, и оказывается, эти годы переменили ее гораздо сильнее, чем она предполагала.

Дама за кафедрой — Кира так и не смогла вспомнить ее имени, хотя писала ведь отзыв на ее докторскую — перешла наконец непосредственно к лингвистическим проблемам, но от этого Кирино внимание несколько не усилилось. Хоть убей, не могла она себя заставить во все это вслушиваться и, время от времени пытаясь собрать свое внимание в пучок и направить его на происходящее в большой филфаковской аудитории, лишь испытывала недоумение: неужели когда-то все это могло быть ей интересно? Какой же она была тогда? Понять это сейчас уже не представлялось возможным.

И сидеть до конца защиты Кира не могла себя заставить никакими силами. Да, всей ее хваленной воли было для этого недостаточно. К счастью, знакомых на защите оказалось немного — все-таки семь лет прошло с тех пор, как она закончила аспирантуру и выпала из среды; это избавляло от никому не нужных бесед ни о чем. Поэтому, как только объявили перерыв, Кира направилась к двери.

— Товарищи, товарищи! — воскликнула секретарь ученого совета. Кира от этого обращения вздрогнула. Всерьез она, что ли? Паноптикум какой-то! — Большая ко всем просьба: оставьте вот в этой тетради отзывы о выставке!

— О какой выставке? — с недоумением спросил мужчина, с которым Кира сидела рядом на последнем ряду.

Он тоже пробирался к выходу с заметным нетерпением.

— Да вот об этой. — Секретарь сделала рукой широкое круговое движение. — Об этих акварелях.

Кира, как и ее сосед, тоже только теперь заметила акварели, которыми были увешаны стены аудитории. То есть она их видела, конечно, но никак не предполагала, что это выставка. Акварели были убогие — речушка, березка, солнышко; ни тени своеобразия, ни капли сильного чувства.

— Только, пожалуйста, указывайте в отзывах — «кандидат наук», «профессор», ну и так далее, — призвала секретарша. — Это важно! Во внешнем мире наши звания воспринимаются очень серьезно.

«Господи боже мой!» — подумала Кира.

Ничего больше она не могла на все это сказать даже мысленно.

К тетрадке, в которую призывали вписывать отзывы, она, конечно, не подошла. Уже выходя из аудитории, услышала чей-то завистливый шепот:

— Акварели-то племянница декана нарисовала, вот и устроили тут выставку, всё для своих, ну просто всё!

Как можно завидовать тому, что по стенам аудитории развешаны среди водяных потеков чьи-то бездарные картинки, было Кире непонятно.

Все-таки семь последних лет, которые казались ей проведенными бессмысленно и беспоследственно, оказывается, не прошли даром. Они переменили ее необратимо, и хотя Кира не очень понимала, как ей к этим переменам относиться, но с тем, что они непреложны, спорить не приходилось.

«Все! — подумала она, выскочив наконец из второго гуманитарного корпуса. И с удовольствием себе пообещала: — Приду к Матильде, сразу напьюсь. То-то счастье!»

У метро Кира зашла в парфюмерный магазин и купила французскую тушь. Сама она так и не научилась разбираться, какая косметика правильная, а какая нет, потому что пользовалась ею редко и неумело, но за время работы в «Struktur» запомнила названия хороших марок, которые этот журнал рекламировал.

Матильда жила в Тушине, от метро двадцать минут пешком. И место ее жительства так же не соотносилось с нею, как место работы. Жить бы стильной Матильде где-нибудь в пентхаусе, под самой крышей нового дома в старом центре — всюду свет, и деревянная мебель естественных светлых тонов, и небрежно брошена на широкую кровать белая овечья шкура, и столами служат какие-нибудь яркие кубы с параллелепипедами...

Но жила она в панельной девятиэтажке, в подъезде со сломанным замком, а что под самой крышей, так радоваться тут нечему: возле лестницы, ведущей на чердак, прямо у Матильдиной двери валяются пустые бутылки, и за дверью этой — явно не пентхаус.

— Проходи, — сказала Матильда, открыв Кире дверь. — Обувь можешь не снимать. Девчонки в комнате, я на кухне.

Прибираться в честь праздника она, похоже, не стала. Во всяком случае, каждый предмет, попадающийся Кире на глаза в прихожей, а потом и в комнате, казалось, говорил: меня взяли откуда-то по необходимости, потом положили куда пришлось и возьмут снова, только когда понадобится, а потом положат на очередное случайное место.

Кира замечала такие вещи, потому что, хотя уборку, то есть мытье полов, чистку ковров и прочее подобное, она терпеть не могла, но точно так же не могла терпеть